

ПРОБЛЕМА ИСТОКОВ НЕКОТОРЫХ СКУЛЬПТУРНЫХ И НАСКАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ПЕРВОБЫТНОМ ИСКУССТВЕ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И НАХОДКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОСИПОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА АМУРЕ*

Постановка вопроса

Нередко случается, что какая-то находка, становясь недостающим звеном в цепочке идей или концепций, влечет за собой переосмысление сложившихся и возникновение новых взглядов на те или иные явления. Настоящая работа в определенной степени подтверждает это.

Главное содержание излагаемых здесь положений, основанных на материалах как неопубликованных, так и изданных, но из-за недостатка фактических данных истолкованных предположительно или вообще не дешифрованных, представляет собой продолжение и развитие суждений, высказанных мной недавно на страницах журнала [Медведев, 2000, с. 56 – 68]. Напомню в общих чертах о наиболее принципиальных заключениях и связанных с ними проблемах.

В ходе культурно-исторического анализа скульптурных изображений, найденных на неолитическом поселении Сучу, а также других памятниках Нижнего Приамурья, установлено, что в искусстве малых форм уже раннего неолита (малышевская культура) наряду со сложившейся реалистичной манерой исполнения круглой скульптуры существовали сложные полиэйконические, полисемантические образы: статуэтки женщин с прической в форме фаллоса, скульптурки женщин с фаллической головой и таким же торсом,

двуконечные (двойные) фаллосы с изображением головы тюленя с одного конца, а также фигурки птиц, лося, медведя, фаллические предметы с женским символом (гибридные), палицы, шары и др. Определено, что из всего этого многообразия художественных форм и мотивов, выраженных в камне и обожженной глине, лишь единичные скульптурные образы птицы и медведя появляются в искусстве более раннего времени – в начальном, постпалеолитическом, неолите (осиповская культура – 13 – 10 (9) тыс. л.н.). При сопоставлении многих видов скульптурных изображений и других предметов неолитических культур Нижнего Приамурья и дзёмона Японии выявлено большое количество общих персонажей. Фигурки “догу”, а также “гангу” существовали в раннем периоде дзёмона, что соответствует примерно этапу зарождения малышевской культуры. В искусстве древнейшего периода дзёмона (сосо: 12 – 10 тыс. л.н.) известны лишь такие предметы, как галька с резьбой (схематический образ женщины?).

Сюжетно-стилистическое многообразие и в то же время “серийность” скульптурных персонажей, пронизанных всеобъемлющей идеей плодородия, не могли не породить проблему древних местных корней амурского и в целом южнодальневосточного искусства малых форм, в частности антропоморфной, гибридной (двуполой) скульптуры.

Столь же важным представляется вопрос культурно-хронологического и “репертуарного” соответствия обнаруженных при раскопках скульптурных изображений, с одной стороны, и исключительных по своей информативности и оригинальности петроглифических

* Автор благодарит П.П. Лабедского и А.И. Глотова за помощь при фотографических работах, Т.В. Серых за переводы публикаций с японского языка, П.В. Волкова за определение терракотового лощила.

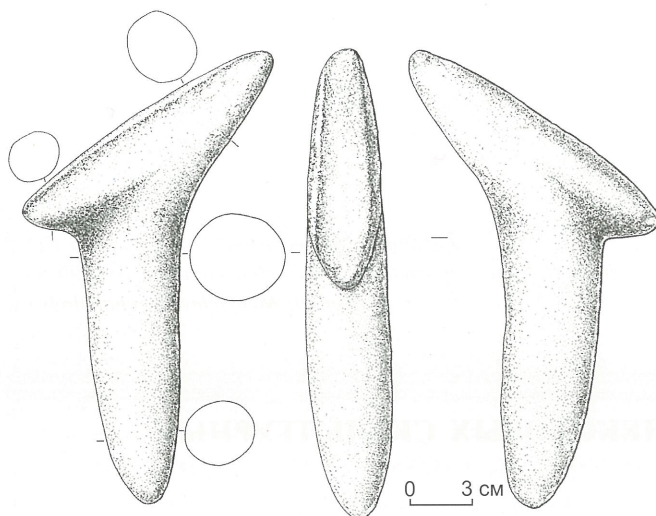

Рис. 1. Каменное скульптурное изображение двуконечного фаллоса – женщины. Сакачи-Алян (нижний пункт). Осиповская культура (10 – 13 тыс. л.н.).

Рис. 2. Скульптура женщины – фаллоса из Сакачи-Аляна. а – анфас; б – профиль.

амуро-уссурийских сюжетов, с которыми огромную исследовательскую работу проделал акад. А.П. Окладников, – с другой. Было бы неверно не сказать, что для датировки ряда персонажей амурских петроглифов им уже весьма широко привлекались аналогии из материалов раскопок неолитических поселений (скульптурка женщины и обломок чаши с личиной-налепом из Кондона, керамика с барельефными масками-личинами из Вознесенского, рельефная фигура змеи из Тахты, фигурки птиц из Сакачи-Аляна и с о-ва

Сучу, орнаменты на керамике и фигурки медведей с о-ва Сучу) [Окладников, 1971а, с. 83 – 89; Okladnikov, 1981, р. 14 – 20]. Рассматриваемые далее материалы, полученные почти полностью мной при раскопках преимущественно в последние 20 лет, не во всех случаях следует считать произведениями искусства в подлинном смысле, но практически все они представляются уникальными (прежде всего это относится к мелкой пластике осиповской культуры) и позволяют приблизиться к раскрытию некоторых схематично очерченных здесь проблем, связанных с появлением в искусстве дальневосточного неолита архаичных по своей сути двуполых антропоморфно-гибридных, фаллических и антропозооморфных мотивов*.

Образцы скульптурных персонажей, сопутствующие изделия

Все представленные здесь образцы скульптурных изображений и некоторые другие сопутствующие артефакты, за исключением одного предмета из Шереметьева, связаны своим происхождением с четырьмя памятниками: Сакачи-Алян (нижний пункт), Гася, Сучу и Кондон – и принадлежат трем археологическим культурам – осиповской, малышевской и вознесенской. Среди находок выделяются следующие основные группы каменной и терракотовой круглой скульптуры: скульптурные изображения женщины – фаллоса, женщины – лося – двуконечного фаллоса, фаллоса, гибридные скульптуры, фаллические стержни. Наряду с этим характеристику мелкой пластики из Сакачи-Аляна дополняют сопутствующие ей в культурном слое изделия. Учитывая принадлежность скульптурных изображений той или иной группы к разным культурам, хронологическую последовательность при описании находок в расчет не принимаем.

Женская скульптура – двуконечный фаллос (рис. 1, 2). Найдена в июне 1972 г. на многослойном памятнике у с. Сакачи-Алян (нижний пункт). Раскоп (размером 16 × 2 м) располагался на нижней по течению Амура окраине села вдоль кромки-обрыва террасовидной поверхности, на высоте около 12 м над меженным уровнем реки и вплотную примыкал к раскопу

* Рассматриваемые материалы хранятся в Институте археологии и этнографии СО РАН.

1970 г.* [Окладников, 1971в, с. 191 – 192; Медведев, 1986, с. 7 – 9]. Наряду с археологическими изысканиями исследователи занимались геоморфологическими и палеогеографическими определениями памятника, которые позже были опубликованы [Ивлиев и др., 1974; Разрез новейших отложений..., 1978, с. 3 – 4, 31 – 38, 78 – 81]. Стратиграфия этого археологического объекта, как и других памятников в районе Сакачи-Альяна, довольно сложная. Сверху вскрыт средневековый культурный слой, глубина залегания артефактов 0,2 – 0,6 м от поверхности, глубже – слой эпохи раннего железа (до 0,75 м). Ниже, на уровне до 0,9 м, встречаются отдельные культурные остатки малышевской неолитической культуры**. На глубине 1,0 – 1,1 м (в отдельных местах до 1,3 м) в суглинке (порой чешуйчатом) коричневого или желтого цвета залегали самые ранние здесь изделия из камня, в том числе интересующая нас скульптура.

Скульптура изготовлена из сравнительно нетвердого серого мелкозернистого песчаника техникой пикетажа, вся ее поверхность сглажена, как бы затерта, возможно, мокрым песком. По форме это круглый или почти круглый в сечении изогнутый двуконечный фаллос, верхняя половина которого в профиль представляет собой наклоненную назад голову с высокой прической – фаллосом. Общая длина скульптуры составляет 22,5 см, длина головы с вытянутым подбородком – 14,3 см, туловища-фаллоса (от подбородка) – около 13,0 см. Диаметр головы в основном от 2,0 до 5,0 см, в области затылка – до 6,0 см, диаметр подбородка от 0,7 до 2,6 см. Диаметр туловища 1,0 – 4,0 см в нижней половине и 4,5 – 5,3 см – в верхней.

Оба конца предмета и отчетливо выраженный выступ-подбородок подчеркнута заострены, но детально не моделированы. Лицевая поверхность головы имеет плавную мягкую выпуклость, как и у женских амурских неолитических глиняных скульптурок. По всей длине лица и выше (т.е. на прическе) прослеживается легкое уплотнение в виде полосы шириной 1,0 – 2,0 см, следы использования в утилитарных целях не просматриваются, во

* Работы осуществлялись по инициативе А.П. Окладникова археологическим отрядом Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН). В них принимали участие В.Е. Медведев (начальник отряда), О.С. Медведева, И.С. Троицкая (все сотрудники ИИФФ СО АН СССР), Э.Н. Сохина (научный сотрудник Хабаровского комплексного НИИ ДВНЦ АН СССР, ныне Институт водных и экологических проблем ДВО РАН) и А. Богомолов (студент географического факультета МГУ).

** Согласно радиоуглеродному датированию, слой с находками, относящимися к этой культуре, имеет возраст 6900 ± 260 лет (МГУ-410) [Разрез новейших отложений..., 1978, с. 35].

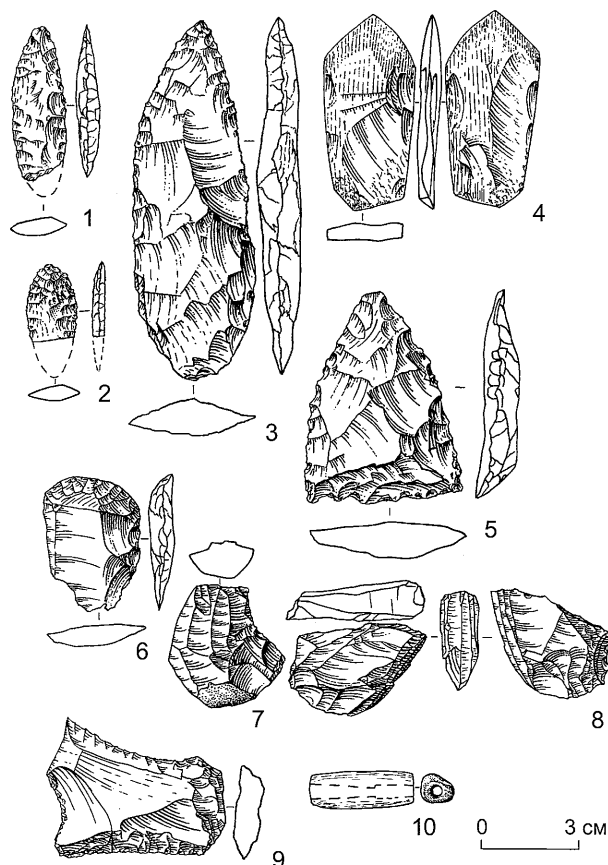

Рис. 3. Каменные изделия. Сакачи-Алян (нижний пункт).

Осиповская культура.

1 – 3 – бифасы-остроконечники; 4 – орудие; 5 – тесловидно-скребловидный инструмент; 6 – скребок; 7, 8 – нуклеусы; 9 – фигурка зверя; 10 – бусина.

всяком случае, визуально. Нижняя линия подбородка направлена к шее-туловищу почти под прямым углом. Длинная ось головы-фаллоса по отношению к аналогичной оси туловища-фаллоса находится под углом 60° . Близкие или такие же параметры (65° , 55° и 60°) наблюдаются у двух женских глиняных скульптурок-фаллосов из поселения Сучу и у одной из поселения Кондон [Медведев, 2000, рис. 1; 3, 2; 7]. При всем схематизме скульптуры перед нами предстает двуполый или гибридный антропоморфный образ женщины – двуконечного фаллоса.

Сопутствующие изделия. Два частично обломанных бифаса-остроконечника, обработанные стелющейся и плоской ретушью, изготовлены из темного алевролита (рис. 3, 1, 2). Служили, скорее, в качестве наконечников стрел. Крупный бифас-остроконечник (длина 14,1 см) из светло-серой кремнистой породы (найден рядом с раскопом) можно классифицировать как наконечник копья (рис. 3, 3). Тесловидно-скребловидное орудие треугольной в плане формы (размеры: $6,6 \times 4,8 \times 1,1$ см) сделано из алевролита темного, почти черного цвета (рис. 3, 5). Концевой скребок выполнен

Рис. 4. Фигурка зверя и бусина. Сакачи-Алян (нижний пункт).

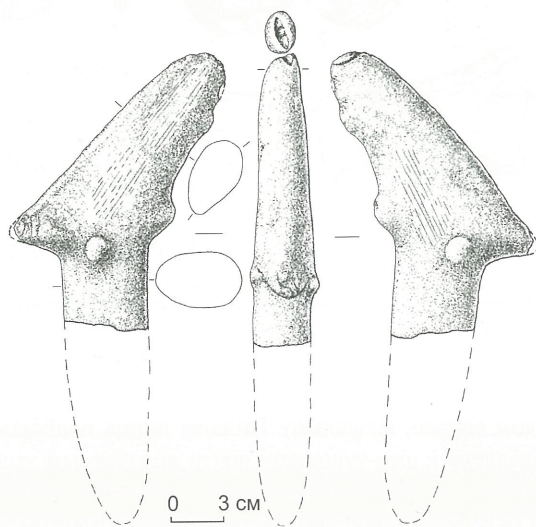

Рис. 5. Каменное скульптурное полисемантическое изображение женщины – фаллоса – лося. Поселение Кондон, жилище 13.

из темного алевролитового пластинчатого отщеп (рис. 3, 6). Два нуклеуса: один одноплощадочный на уплощенной халцедоновой гальке (рис. 3, 7), другой – клиновидный микронуклеус из кремнистой породы цвета слоновой кости (рис. 3, 8). Еще одно изделие – из серого алевролита, практически прямоугольной формы, с боковыми гранями, резко переходящими в острие с прямым углом, обработано мелкой оббивкой и местами, в особенности вдоль краев острия, тщательно зашлифовано (рис. 3, 4). Найдены также фигурка зверя с массивным крупом (лось?), изготовленная из пластины дымчато-серого кремня (размеры: $5,5 \times 2,7 \times 4,2 \times 0,7$ см),

и бусина бочонковидной удлиненной формы (длина 3,2 см), сделанная из яшмовидной породы голубого с зеленым оттенком цвета (рис. 3, 9, 10; 4).

Все перечисленные орудия и нуклеусы хорошо известны по материалам раскопок многих памятников осиповской культуры. Например, бифасы-остроконечники и тесловидно-скребловидные инструменты входят в группу наиболее представительного инвентаря этой культуры. Что же касается орудия с отшлифованным острием, то его аналоги есть в осиповских коллекциях поселений Гася [Деревянко, Медведев, 1993, рис. 68, 10] и Хумми [Лапшина, 1999, табл. 51, 15], правда там они без следов шлифования. Образцы мелкой пластики (каменные плоские фигурки птиц) также были позже зафиксированы в осиповском культурном горизонте (Гася). То же следует сказать об удлиненных бочонковидных бусинах из яшмовидной породы голубоватого цвета (Сакачи-Алян, раскоп II, 1973 г.; Гася, Гоян, Хумми). Рассмотренная здесь бусина из Сакачи-Альяна является первой по времени подобного рода находкой, выявленной в осиповском культурном слое.

Скульптурное изображение женщины – фаллоса – лося (рис. 5, 6). Обнаружено в июле 1972 г. в жилище 13 поселения Кондон*. Изготовлено из темно-серого плотного крупнозернистого песчаника техникой мелкоточечной оббивки с частичной шлифовкой. Нижняя, примерно третья часть скульптуры обломана. Длина сохранившейся части составляет 17,2 см, если судить по пропорциям, общая длина изделия достигала 27 см. В поперечном сечении оно овально-округлое, сверху короткая ось сечения в основном равна 2,0–3,0, а длинная – 3,0–5,0 см, внизу (у излома) соответственно около 3,0 и 5,0 см. С лицевой стороны и в профиль, в вертикальном положении, эта скульптура, так же как и описанная выше, представляет собой отогнутую назад женскую голову с высокой прической в форме фаллоса. Общая длина головы с хорошо выраженным заостренным подбородком составляет 15,2 см.

Лицевая поверхность головы слегка выпуклая, в основном в верхней ее половине. Детали не моделированы, за исключением ушей или, вероятнее всего, серег, которые обозначены на уровне подбородка с обеих сторон в виде круглых в плане выпуклостей диаметром 1,5–1,8 см и высотой 0,4–0,6 см. Для полной завершенности женского скульптурного образа наверху головы (прически-фаллоса) выбита вульва в форме овального углубления с ямочкой посередине.

В горизонтальном положении в рассмотренной части скульптуры столь же ясно обрисовывается голова лося с вытянутой мордой и характерной несколько укороченной нижней губой. В профиль нижняя часть

* Изделие опубликовано и определено как скульптурное изображение головы лося (на обломке орудия) [Окладников, 1983, с. 70; табл. 80, 1].

Рис. 6. Скульптура женщины – фаллоса – лося из поселения Кондон.
а – вид анфас: женщина с фаллической головой-прической; б – вид в профиль: женщина с фаллической головой-прической; в – вид в профиль: голова лося.

морды немного заужена, и далее примерно на уровне ушей (у женщины это подбородок) отчетливым подтреугольным выступом показана столь же характерная лосиная подшейная шишка, или “серьга”. С одной стороны головы по линии смыкания челюстей до места, где должен находиться глаз, видна отшлифованная полоса (с противоположной стороны поверхность головы отшлифована менее заметно). Глаза не показаны.

Нижняя половина скульптуры, длина которой от подбородка женщины – ушей лося равняется длине головы (около 15,0 см), выполнена в форме фаллоса и обозначает одновременно туловище женщины и шею лося.

Скульптура была найдена в жилище позднего неолита (вознесенская культура). Однако есть основания считать, что изделие гораздо древнее. Очевидно, оно было реутилизировано обитателями жилища: на предмете видны следы забитости на месте подбородка женщины – ушей лося. Рядом с поселением собраны каменные изделия эпохи “мезолита” (иначе, времени начального неолита, можно полагать, осиповской культуры). Раскапывая жилище 13, автор обратил внимание, что стратиграфически оно наиболее сложное среди всех исследованных жилых комплексов памятника. Жилище было сооружено на месте уже существовавшего мощного культурного слоя. Это наблюдение подтверждается наличием другого, более древнего жилища (15), выявленного в раскопе на большой глубине, но не имевшего на поверхности следов в виде характерной западины [Окладников, 1983, с. 68, 74]. О перемешанности культурных слоев на месте жили-

ща 13 свидетельствуют также некоторые найденные в нем сравнительно архаичные изделия, в частности клиновидный нуклеус [Там же, с. 70]. Нуклеусы такого типа в материалах, датируемых временем позже начального неолита, на памятниках Нижнего Приамурья не встречаются. Поэтому вполне вероятно кондонская скульптура, несомненно, яркое полисемантическое произведение искусства, была создана в то же время, что и сакачи-алянская, т.е. в начальном неолите. Только последняя пролежала в земле тысячелетия нетронутой, а кондонская около 4 тыс. л.н. была использована в бытовых целях и тогда же, наверное, обломана носителями вознесенской культуры.

Фаллическое лошило (рис. 7, 1; 8, 1). Найдено в 1980 г. в раскопе I поселения Гася. Залегало в слое глины вместе с каменным инвентарем осиповской культуры*. Изделие изготовлено из глины без видимых органических включений, обжиг неравномерный (цвет от светло-коричневого до черного), производился при невысокой температуре. Предмет частично обломан, имеет форму усеченного конуса с немного выпуклыми боковыми сторонами. Нижняя, рабочая плоскость, а также верхняя тоже с легкой выпуклостью. Длина изделия 4,3 см, диаметр внизу 2,4 – 3,0 см, посередине – 2,1 – 2,7 см,верху – 0,9 – 1,1 см. Предмет определяется как инструмент (лошило для работы по коже) в форме фаллоса, точнее, его головки. Это первое терракотовое орудие труда (к тому же в форме фаллического скульптурного

* Первоначально было названо каменным пестом [Дервянко, Медведев, 1993, рис. 66, 9].

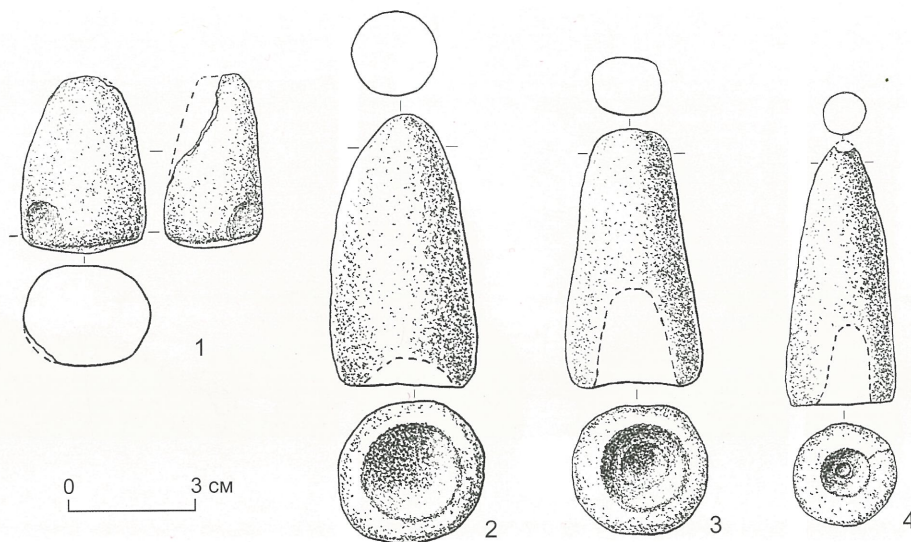

Рис. 7. Глиняное фаллическое лошито для работы по коже (1), каменные (2, 3) и глиняное (4) скульптурные изображения фаллосов – вульв.

1 – 3 – из поселения Гася; 4 – из поселения Сучу (жилище 3, 1993 г.).

1 – осиповская культура (раскоп I, 1980 г.); 2 – 4 – малышевская культура (2 и 3 – тоже из раскопа I).

Рис. 8. Лошито из поселения Гася (1) и скульптурное изображение фаллоса – вульвы из поселения Сучу (2).

изображения), найденное при раскопках слоя осиповской культуры.

Скульптурное гибридное изображение (рис. 9). Найдено предположительно рядом с первым пунктом петроглифов у с. Шереметьева, где А.П. Окладниковым зафиксированы следы неолитического поселения [1971а, с. 52]. Судя по собранной там керамике, памятник относится к малышевской культуре.

Предмет изготовлен из глины и хорошо обожжен. Цвет его в основном темно-коричневый, глиняное тесто со значительной примесью мелкой дресвы. Изделие конусообразной формы, вершина его плавно заострена, в поперечном сечении круглое. Несколько зауженное по

сравнению с нижней частью основание ровное, края его аккуратно заовалены. Внизу имеется круглое в плане углубление конусообразной формы. Длина предмета 3,6 см, диаметр верхнего конца 0,3 – 0,4 см, нижней части – 2,8 см, основания – 2,2 см. Глубина отверстия 1,7 см, диаметр (у поверхности) 0,7 – 0,8 см. Вся поверхность предмета украшена небольшими овальными или полукруглыми углублениями, нанесенными рядами в виде вертикальных полудуг. Это, несомненно, миниатюрное скульптурное изображение, соединяющее в себе два образа – фаллос и вульву. Отдельного внимания заслуживает расшифровка орнаментальной композиции, которая в задачу данного исследования не входит.

Скульптурное изображение фаллоса – вульвы (см. рис. 7, 2). Обнаружено в 1980 г. в раскопе I поселения Гася, между жилищами 1 и 2 малышевской культуры [Деревянко, Медведев, 1993, с. 14]. Изделие изготовлено из серого нетвердого песчаника техникой пикетажа, хорошо заглажено. Оно конусообразной формы, круглое в сечении, диаметр у основания 3,5 – 3,7 см, длина предмета 6,6 см. В основании сделано круглое чашевидное углубление диаметром 2,2 см, глубиной до 0,8 см. Так в камне передано изображение фаллоса и вульвы (или наоборот). Обращает на себя внимание такой важный факт: скульптурка залегала рядом с каменной палицей, частично даже под ней, и размер просверленного в палице конусообразного отверстия точь-в-точь соответствует размерам скульптурного изображения. Не останавливаясь на детальной характеристике палицы, замечу, что по семантике ее следует связывать с культом солнца.

Скульптурное изображение фаллоса – вульвы (см. рис. 7, 3). Найдено там же, где и предыдущая

а

б

Рис. 9. Глиняное скульптурное изображение фаллоса – вульвы. Шереметьево (?).
а – вид сбоку, б – вид снизу.

скульптура. Изготовлено тоже из серого песчаника, поверхность аккуратно заглажена. Форма конусообразная, поперечное сечение круглое. В расширенном основании имеется круглое в плане конусообразное углубление (повторяющее форму скульптуры). Длина изделия 6,5 см, диаметр узкого конца 1,3 – 1,5 см, посередине (здесь предмет чуть заужен) – 2,4 см, основания – 3,4 см, глубина отверстия 2,3 см, его диаметр у поверхности 2,1, внизу 0,65 см. Скульптура классифицирована как фаллос с вульвой (т.е. символизирует человека вообще).

Скульптурное изображение фаллоса – вульвы (см. рис. 7, 4; 8, 2). Обнаружено в 1993 г. в жилище 3 мальшевской культуры на поселении Сучу. Изделие изготовлено из глины, обжиг неравномерный – цвет

Рис. 10. Глиняные фаллические изображения из поселения Гася (мальшевская культура).

Рис. 11. Глиняное фаллическое изображение из поселения Сучу (жилище 7, 1997 г.).
Вознесенская культура.

от светло-коричневого до черного. Форма предмета конусообразная, в основании оформлено углубление также в виде конуса. Длина изделия 6,4 см, диаметр основания 2,5 см, посередине – 2,2 см, у заостренного конца – 0,5 см. Скульптурка, как и три предыдущие, относится к типу изображений, обозначающих фаллос с вульвой.

Следующие два глиняных фаллических предмета найдены на поселении Гася: первый в раскопе I – в слое с артефактами мальшевской и осиповской культур; второй в раскопе II (1986 г.) – в слое с преимущественно мальшевским каменным инвентарем.

Первый фаллический предмет (рис. 10, 2). Обожжен при невысокой температуре, поверхность

тщательно залощена, сильно растрескалась, цвет преимущественно шоколадный. Изделию придана форма уплощенного, подпрямоугольно-заоваленного в сечении фаллоса со слегка утолщенной заостряющейся к концу головкой, противоположный конец обломан. Длина предмета 9,1 см, размеры основания 1,7 × 2,8 см, диаметр заостренного конца 0,7 – 1,2 см. Изделие определено как изображение фаллоса.

Второй фаллический предмет (рис. 10, 1). Цвет его в основном красновато-коричневый, местами черный, поверхность залощена. По форме изделие аналогично вышеописанному и также обломано у основания. Длина предмета 8,9 см, размеры основания 1,7 × 2,2 см, диаметр заостренного конца 0,3 – 0,9 см. Классифицируется как и первый предмет, т.е. изображение фаллоса.

Скульптурный фаллический предмет (рис. 11). Обнаружен в 1997 г. на поселении Сучу, в жилище 7 вознесеновской культуры. Изготовлен из глины и обожжен, цвет преимущественно желтый, частично темный. Предмет найден в довольно расслоившемся состоянии. Выглядит как вытянутый стержень с заоваленными концами. Поперечное сечение округлое и прямоугольное с закругленными углами. Длина изделия 22,0 см, размеры посередине 2,2 × 2,8 см, диаметр одного слегка утонченного конца 1,8 – 2,5 см. Глиняные фаллосы подобного типа в большом количестве встречаются в Нижнем Приамурье на поселениях вознесеновской, иногда более ранних культур. Они, как правило, обломаны и лишь в редчайших случаях сохраняются целыми, как представленный здесь самый крупный из известных в регионе глиняный скульптурный фаллический предмет. (Необходимо обратить внимание на тот факт, что подобные изделия не имеют ничего общего с рыболовными грузилами, как это представляется в некоторых публикациях по неолиту нижнего Амура.) Следует добавить, что в жилище 7, не отличающемся большим количеством находок, примерно в 2,0 м от фаллического предмета найдено кольцо-диск диаметром 4,0 см, сделанное из светлого с розовым оттенком нефрита.

Аналитический взгляд: фантастические образы амурского неолита и их корни

Прежде чем приступить к раскрытию значения изложенного здесь материала, обратимся к основным состоявшимся, как мне кажется, художественно-стилистическим образам, материализованным в скульптуре, которые отражают мировоззрение древних обитателей Приамурья. Все имеющиеся в нашем распоряжении антропоморфные и антропозооморфные скульптурные изображения, в том числе и переданные условно (за исключением глиняных фаллических стержней),

представляют собой одновременно два образа – мужчину (фаллос) и женщину (голова, вульва). Нередко эти образы переданы в форме двуконечного фаллоса: скульптуры из Сакачи-Аяна, Кондона (жилища 3, 13), с о-ва Сучу (жилища Г, 4) [Медведев, 2000, рис. 1, 2; 3, 1; 7]. В ряде случаев в одном скульптурном изображении показаны три персонажа: женщина (голова, вульва), мужчина (фаллос) и зверь. Это мы видим в предметах искусства из Кондона (женщина – мужчина – лось) и Сучу (мужчина – женщина – тюлень) [Там же, рис. 4].

Вряд ли есть необходимость останавливаться на развернутом изложении существующих идей, связанных с распространением еще в палеолитическом искусстве скульптурных двуполых (андрогинных) изображений, так же, впрочем, как и скульптур, сочетающих в себе черты человека и зверя. Эти образцы древнего искусства, отражающие представления об окружающем мире их создателей, стремившихся повысить воспроизводство себе подобных, вообще сил природы, нашли довольно широкое отражение в отечественных и зарубежных изданиях. Их подробно с привлечением многочисленных данных исследовал А.П. Окладников. Он отмечал, что мысль палеолитических людей о плодородии выражалась образами как женщины, так и мужчины, приводя пример присутствия в среднеориньякском слое Абри Бланшар в Дардони обоих символов, женского и мужского, рядом. А.П. Окладников называет любопытными палеолитические изображения женщин, в частности из Италии, которые “обнаруживают какое-то неуловимое сходство с фаллами” [1967, с. 74]. Отдавая должное идее, связанной с палеолитическими женскими изображениями, в основе которой заложен сложный комплекс представлений о наиболее важных сторонах жизни первобытного человека, он говорит о первобытной магии плодородия, породившей двуполые статуэтки, в коих “формы женского тела причудливо сочетаются с символом мужской силы”, что является отражением представлений о первом человеке на земле как двуполом существе [Там же, с. 75, 80]. При этом подчеркивается, что представления людей эпохи палеолита о женщине и женском начале могли быть еще разнообразнее. Имеется в виду сближение в одном изображении черт человека и зверя с целью создания образа мифического существа смешанной природы. В мифологии многих народов отмечен сюжет, связанный с темой брака женщины и зверя. Основа этих мифов была заложена еще в глубокой древности. На мифологической почве развивалось палеолитическое искусство. На ее же основе вызрели представления о взаимоотношениях мира зверей и людей, т.е. тотемизма, а также истоки верований и обрядов, связанных с продолжением рода и процветания коллектива людей [Там же, с. 83].

Было бы не досказано, если не упомянуть еще о таких скульптурных изображениях, как двуконечные

фаллосы. Они достаточно известны в палеолите Западной Европы, например, скульптура из Горж д'Анфер (рис. 12). В Мальте, в Сибири, фаллическая подвеска из ожерелья [Абрамова, 1962, табл. LVI, 5 (внизу)] представляет собой, по мнению В.Е. Ларичева, еще и многовариантное полизйконическое изображение [1989, с. 144]. В материалах той же Мальты имеется скульптура двуполого антропоморфного существа с ногами в виде двуконечных фаллосов, из верхних концов которых как бы вырастает само тело существа (как тут не сказать о сходстве амурских андрогинных скульптур с мальтинскими!). К этому надо еще добавить: мальтинская скульптура наделена к тому же чертами зверя [Ларичев, 1999, с. 180 – 182].

Представляется, что преимущественно со сформулированных позиций следует подходить к раскрытию сущностной стороны нижеамурских образцов искусства. Хотелось бы еще обратить здесь внимание на следующее высказывание П.П. Ефименко о происхождении искусства. Он писал, что искусство в своих начальных формах появляется в раннюю пору ориньяка, “причем одинаково и в скульптуре, и в линейной резьбе, и в живописной передаче”. Однако скульптура приобретает значение главной формы художественного выражения уже в более позднее время. Говоря об изображении женского начала, П.П. Ефименко приходит к выводу, что оно играло большую роль уже в древнейшее время. Найденные фигурки женщины позднеориньякского времени лишь более современное в художественном отношении выражение идеи, “корни которой уходят в начальную пору верхнего палеолита, *если не в более раннее время* (курсив мой. – В.М.)” [1938, с. 416]. Это написано многие десятки лет назад, но можно признать, что сказанное звучит в известной степени актуально и сейчас.

Обратимся теперь к широко известным петроглифам, расположенным на берегу Амура рядом с памятниками, где были найдены многие охарактеризованные выше образцы мелкой пластики. Это скопление наскальных рисунков возле сел Сакачи-Алян и Малышево является наиболее крупным среди дальневосточных петроглифических местонахождений. Исследуя сакачи-альянские рисунки, в частности определяя время их создания, А.П. Окладников обращал внимание на отсутствие изображений предметов быта и утвари, которые могли бы относиться к конкретным культурам прошлого [1971а, с. 83]. Это, конечно же, создавало трудности при установлении возраста петроглифов. Однако отсутствие таких изображений компенсировалось наличием предметов искусства, что позволило академику верно датировать многочисленные рисунки на камне.

Наши вещественные источники из раскопок не нуждаются в привлечении петроглифов как датирующего материала, скорее, наоборот, последние благодаря предметам искусства получают дополнительные данные для

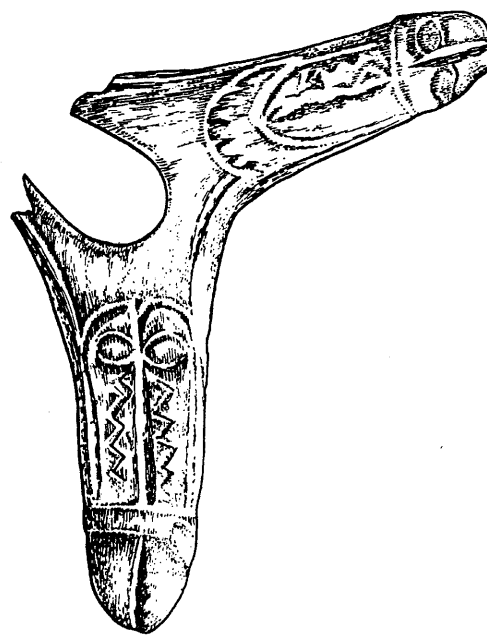

Рис. 12. Скульптура двойного фаллоса, вырезанная из рога. Горж д'Анфер (Франция). Длина 9,5 см.
По [Елинек, 1982, рис. 663].

подкрепления сделанных ранее культурно-хронологических определений. Помимо этого, названные скульптурные изображения, надо полагать, позволят распознать оставшиеся неопределенными некоторые художественные образы амурских петроглифов.

Древние сакачи-альянские наскальные рисунки относятся к категории многосюжетных. На глыбах базальта изображены личины (маски), звери, змеи, антропоморфные существа, лодки, птицы, а также различного рода лунки (ямки) и концентрические круги. В силу объективных причин (влияние Амура, аморфность многих изображений) об общем количестве петроглифов говорить довольно трудно, подсчет их был сделан приблизительный [Окладников, 1971а, с. 76; Окладников, Деревянко, 1973, с. 141]*. Если не принимать во внимание лунки и круги, видимо, не относящиеся к парциальным личинам, то количество рисунков можно определить в пределах 200. Вместе же с лунками и кругами древних изображений насчитывается более 300**.

* Излагаемые здесь сведения о петроглифах основываются на опубликованных материалах А.П. Окладникова, а также собственных наблюдениях, сделанных в ходе работ в Сакачи-Аляне и Малышеве с 1968 по 2000 г. Следует заметить, что в настоящее время часть базальтовых глыб с изображениями у с. Малышева отыскать уже невозможно, поскольку при строительных работах в 1980-х гг. они были замыты толстым слоем песка.

** Средневековые рисунки, имеющиеся на скалах у названных сел, здесь не учитываются.

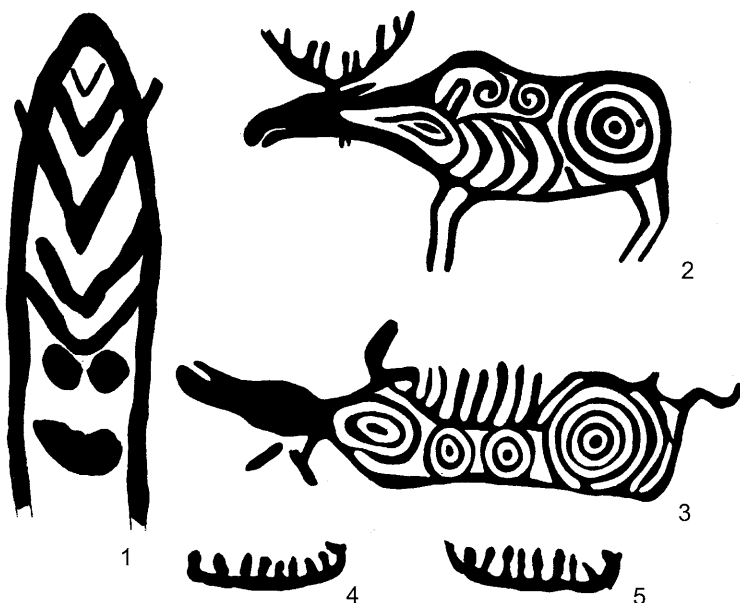

Рис. 13. Полисемантические петроглифы Сакачи-Альяна.
По [Окладников, 1971а, табл. 40, 1; 72, 1; 75, 1; 102, 2].
Масштаб различен.

1 – фаллос (мужчина) и женщина; 2 – лось, женщина (вульва в области шеи), мужчина (фаллосы: первый над вульвой, второй – справа внизу), солнце (концентрические круги с круглым углублением в центре) и змеи (спирали вверху); 3 – лось, четыре солнца (концентрические круги с углублениями в центре) и лодка с семью гребцами (душами умерших); 4, 5 – лодки с гребцами (душами умерших).

Из-за ограниченного объема данной работы уделить необходимое внимание анализу сакачи-альянских (как, впрочем, и других амурских) петроглифов, осуществленному А.П. Окладниковым, не представляется возможным. Это относится даже к одному из коренных вопросов – датировке рисунков, выводы по которому у исследователя постоянно дополнялись полноценными аргументами в соответствии с археологическими находками из раскопок различных памятников [Окладников, 1954; 1959, с. 45 – 46; 1964, с. 134 – 161; 1965, с. 15 – 16, 18 – 19, 21]. Впрочем, для понимания смыслового содержания как отдельных наших скульптурных персонажей, так и совокупности их и прежде всего соответствия этих материализованных в камне и глине образов петроглифическим персонажам неизбежен разбор всего “репертуара” последних. Количество художественных сюжетов на каменных глыбах несравненно больше, чем со скульптурных образов, поэтому будет нагляднее прямое сопоставление последних с конкретными рисунками.

Итак, посмотрим, наблюдается ли связь между нашими скульптурными изображениями, с одной стороны, и петроглифами – с другой, и что представляют собой соответствующие рисунки.

Образ мужчины (фаллос) и женщины (голова, вульва), т.е. человека. Он присутствует, как было про-

иллюстрировано выше, во всех рассмотренных скульптурах, за исключением терракотовых фаллических предметов. Наиболее стилистически близкое изображение имеется на 31-м камне Сакачи-Альяна (по описанию А.П. Окладникова [1971а, с. 28, 78; табл. 40]). Это, как сказано в тексте, личина в виде длинного узкого овала, глаза – скошенные овалы, рот тоже овальный, слегка дугообразный, верхушка головы вытянута в виде высокой шапки, сплошь покрытой углами острями вниз. Изображение названо уникальной личиной.

В описании отражено все абсолютно верно. Действительно, такое изображение всего одно среди всех амурских петроглифов. Мы видим изображение фаллоса с конусообразно вытянутой головкой, выбитое в манере, характерной для скульптурных образов (рис. 13, 1). Схематично показано лицо женщины, очертание рта передано в состоянии улыбки. Видимо, для усиления женского образа верхняя часть головы – фаллическая прическа (как у глиняных и каменных скульптур), названная А.П. Окладниковым высокой шапкой, покрыта пятью углами – характерными женскими символами, известными с эпохи палеолита. Обращает на себя внимание тот факт, что центральный, самый боль-

шой угол своими концами выходит за контур фаллоса-прически. Вероятно, сначала на базальтовой плите была выбита женская часть изображения, а затем – мужская.

Другое, не менее уникальное изображение мужчины и женщины, переданное в виде фаллоса и женской фигурки, выбито на 44-м камне (рис. 14, 1). В описании говорится, что изображена антропоморфная фигура с туловищем и головой, обведенной овальным контуром, “внутри которого выбита сплошь личина с узким высоким лбом, вызывающим в памяти лысину. По бокам – широкие прямые выступы – уши, против них, в расширениях, выбиты круглые небольшие глаза с ямками-зрачками внутри”. Треугольником показан нос, снаружи, с обеих сторон его, выбиты симметрично две ямки. Ниже обозначен утрированно большой рот, обведенный широкой каймой. Туловище треугольное, короткое, без намеков на ноги. По бокам туловища выбиты короткие руки. Фигура расположена вниз головой, в то время как другие изображения на глыбе находятся в нормальном положении. Из этого делается вывод, что фигура была выбита до того, как глыба оказалась перевернутой, а значит антропоморфное изображение должно быть наиболее древним [Окладников, 1971а, с. 31 – 32; табл. 53, 4].

Вышеприведенное описание сделано до того, как были найдены скульптурные изображения,

представленные здесь, а также опубликованные мной ранее. Рассмотренный рисунок на камне трактуется следующим образом.

Это действительно антропоморфное, но двуполое (гибридное) изображение, женское треугольное, как сказано, туловище показано в форме фаллоса. Другая половина фигуры (в описании трактована как ее голова) представляет собой изображение женщины, где “высокий лоб с лысиной” – это торс, “выступы-уши” – короткие руки (как у некоторых глиняных скульптурок), “глаза с ямками-зрачками” – груди, две симметричные ямки с обеих сторон “носа” – серьги, “большой рот” – это широкое лицо. Все перечисленные детали женского изображения, за исключением, пожалуй, серег, соответствуют таковым ряда амурских неолитических скульптурок (см., например, [Медведев, 2000, рис. 1, 2; 3, 1]). Что касается серег, то эти украшения, изготовленные из камня (чаще всего нефрита), бесспорно, существовали в неолите юга Дальнего Востока. Наиболее ранние серьги в виде колец-дисков обнаружены в осиповском слое на поселении Госян (1980 г.), а также на поселении Хумми. Они встречаются в жилищах малышевской и вознесенской культур (в том числе в жилище 7 на о-ве Сучу, о чем сказано выше). Каменная серьга-кольцо со сквозным, расчлняющим ее пропилом обнаружена в Приморье (пещера Чертовы Ворота), в жилище руднинской культуры раннего неолита [Неолит юга..., 1991, рис. 56; 58, 17]. Каменные, а также терракотовые серьги хорошо известны по материалам памятников дзёмона Японии [Дзёмон-ни миру..., 1994, с. 172, рис. 4, 5]. Изображения серег имеются также на дзёмонских “догу” [Там же, с. 173, рис. 6]. На основании материалов раскопок погребений эпохи дзёмон сделана реконструкция способов ношения украшений человеком, в частности, к ушам подвешивались серьги. Есть сведения, что серьги из стеатита (мыльного камня) появились в конце начального периода дзёмона и вскоре получили распространение в дзёмонском мире [Там же, с. 193]. Выделяется два типа серег: в виде колец с прорезью или щелью, изготовленные в основном из нефрита или яшмы, а также стеатита, и роликообразные – все из глины. В качестве украшений головы использовались костяные и деревянные шпильки и гребни, на шее носили ожерелья. Много найдено браслетов (в основном из раковин, а также из древесины, камня, глины), которые украшали запястья рук. Встречаются украшения, которые, возможно, подвешивались к поясу. Они в основном V-образной и U-образной формы, сделаны из оленьего рога [Там же, с. 170 – 172, 174 – 175] (рис. 15).

Относительно “рук”, изображенных на камне, трудно сказать что-либо конкретное. Вряд ли короткие полосы могут обозначать руки, которые ни на одном другом петроглифе этого памятника больше не показаны.

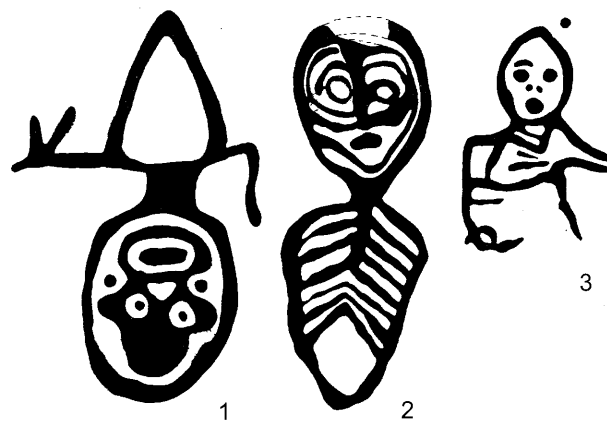

Рис. 14. Полисемантические петроглифы Сакачи-Аляна. По [Окладников, 1971а, табл. 53, 4; 73, 1; 55, 1]. Масштаб различен.

1 – фаллос (мужчина), женщина (фигурка с грудями, выступами-руками и серьгами) и, возможно, личина (фигурка женщины, перевернутая головой вниз); 2 – человек (женщина с фаллическим туловищем); 3 – женщина, лось, мужчина (фаллос) и голова птицы (слева внизу).

Если действительно тысячелетия назад глыба была перевернута, что исключить нельзя, то и это ничего не меняет в данной здесь трактовке “головы фигуры”, так как последняя остается частью антропоморфного изображения, с той лишь разницей, что изображение фаллоса (торса) обозначено не вверху, а внизу рисунка.

Еще один петроглиф, изображающий голову женщины с туловищем-фаллосом, выбит на 63-м камне (см. рис. 14, 2). Он охарактеризован как антропоморфная фигура с большой головой, внутри которой два круглых глаза и овальный рот. Голова короткой перемычкой соединена с туловищем, где предположительно показаны ребра – углы вершинами вверх. На руки и ноги нет даже намека. Отмечено, что фигура выбита на углу базальтовой глыбы, отчего приобретает объемный характер и кажется скульптурным идолом [Окладников, 1971а, с. 37].

В свете полученных данных по двуполым, женско-мужским скульптурным изображениям будет правильнее трактовать фигуру в этом контексте. Туловище конусообразной фаллической формы, в верхней его части, скорее всего, показаны ребра и позвоночный столб в так называемом скелетном, или рентгеновском, стиле. Нижние три угла следует связывать с женской символикой. Вполне возможно, такое же значение имеет и угол в нижней части лица. Если его признать за подбородок, то что тогда передано внешним контуром головы? Этот знак можно идентифицировать с символом материнской утробы, рождающего начала, что, кстати, отмечал А.П. Окладников при характеристике некоторых сакачи-алянских личин [Там же, с. 100]. Представляется, что данное двуполое изображение человека показано преимущественно в

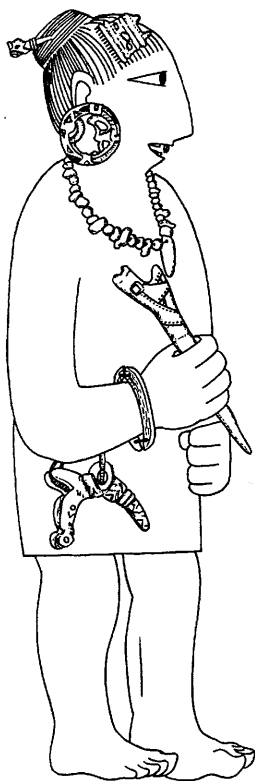

Рис. 15. Реконструкция способов ношения украшений дзёмонским человеком. По [Дзёмон-ни миру..., 1994, с. 177, рис. 11].

форме символов, весьма характерных для объемной скульптуры, появившейся еще в осиповской культуре: каменный двуконечный фаллос с женской головой, каменные и терракотовые конусообразные фаллосы с вульвой на расширенном конце. Если обратиться к иной трактовке рассматриваемого изображения (повод для этого – грудная клетка, показанная в рентгеновском стиле), а именно, как “фигуры, связанной с шаманской идеологией” [Дэвлет, 2000], то она не меняет смысла предложенной мной интерпретации. Скорее наоборот, поскольку образ шамана, по представлениям создателя рисунка женщины-фаллоса, должен только усилить магическую силу последнего.

В этой связи значительный интерес представляет найденная в 2000 г. при раскопках жилища 25 малышевской культуры на о-ве Сучу глиняная женская скульптурка, у которой на лицевой и обратной сторонах прочерчены поперечные углы [Деревянко и др., 2000, рис. 3, 2]. Голова скульптурки обломана, но, судя по характеру изделия, можно предположить, что это изображение женщины с головой-фаллосом. Сюжетно данный скульптурный образ близок к рассмотренному рисунку женщины-фаллоса, и это позволяет датировать последний временем существования малышевской культуры (возраст жилища 25 более 5 тыс. лет).

Говоря о датировке амурской неолитической скульптуры, и прежде всего о наиболее раннем сакачи-альянском скульптурном изображении двуконечного фаллоса – женщины, относящемся, как уже сказано, к осиповской культуре (нижний культурный слой Сакачи-Альяна, нижний пункт, есть все основания датировать, по аналогии с поселением Гася, в пределах 11 – 10 тыс. л.н.), можно добавить следующее. Подобные скульптурные изображения, тоже изготовленные из песчаника, найдены в предполагаемых двух погребениях на стоянке Гончарка-1, принадлежащей осиповской культуре [Шевкомуд, 1996, с. 254 – 255]. Возраст этих находок, как и сакачи-альянской скульптуры, на мой взгляд, 10 – 11 тыс. лет*. Что касается конусообразных скульптурок, изображающих фаллос с вульвой, то они, как уже здесь отмечалось, связываются со временем существования по меньшей мере двух культур – малышевской и вознесенской, хотя нельзя исключать вероятность их обнаружения на памятниках осиповской культуры, о чем свидетельствует фаллическое лощило с поселения Гася. Любопытно, что скульптурное изображение из бивня мамонта, на мой взгляд, в виде фаллоса (точнее, его головки) с вульвой, покрытое рядами углублений, довольно похоже на скульптурку из Шереметьева, найдено в Мальте (названо “подвеской в виде округлого колпачка”) [Абрамова, 1962, табл. XLIX, 4; LIII, 5; Фролов, 1974, с. 51; табл. 2, 6; 9, 5]. (О том, что на скульптурке изображена вульва, свидетельствует женский символ в виде окружности, разомкнутой в одном месте [Столяр, 1985, рис. 232 (слева внизу)], об этой особенности сказано в описании В.Е. Ларичева.) Иное, весьма развернутое, определение “колпачку” дает В.Е. Ларичев. Он, в частности, пишет, что изделие “представляет собой сложной конфигурации скульптурную полусферу со слегка выпуклыми сторонами, чуть заглаженным, прямо срезанным основанием и плавно закругленной верхней частью... Нижний отдел скульптуры в плане округлый, чашевидно-вогнутый, оконтуренный по периметру каемкой-кольцом, разорванным в одном месте аркообразным вырезом” [Ларичев, 1995, с. 175]. Нанесенный на скульптуру “орнамент”, по мнению автора, “есть текст, записанный пиктографическими по характеру знаками” [Там же, с. 176].

Можно считать, что скульптурки типа фаллоса с вульвой появились у людей верхнего палеолита и существовали, несколько модифицируясь, длительное время на обширных пространствах Азии. Так, на территории Восточной Японии, в особенности на

* Стоянка Гончарка-1 расположена на правом берегу Амура (Амурской протоки), примерно в 90 км выше Сакачи-Альяна по течению реки. Она, как и стоянка Осиповская Речка и некоторые другие осиповские памятники, была открыта мной в 1978 г.

о-ве Хоккайдо, на памятниках эпохи дзёмон (позднего этапа среднего периода и позднего периода) обнаружено большое количество так называемых штамповидных глиняных изделий. Они круглые в сечении, конусообразной формы, резко расширяющиеся книзу. На нижней поверхности в большинстве случаев имеется орнамент, чаще всего это вписанные друг в друга ромбы и другие подобные вариации, а также концентрические круги, рисунки в виде спиралей [Мия Хироаки, 1988, с. 78, 81; рис. 2, 3]. Высказывается мнение, что эти предметы служили в качестве амулетов или входили в перечень изделий, используемых в церемониях. Основные орнаментальные мотивы связываются с детородными органами [Там же, с. 81]. Как видим, основное отличие японских штамповидных изделий от амурских скульптурных изображений фаллоса с вульвой заключается в том, что у первых на расширенном торце вульва показана орнаментальными символами, а у вторых – в виде круглого углубления. И еще одна деталь. В фаллической части дзёмонских изделий имеется отверстие, через которое, как предполагается, продевали веревочку для ношения предмета на шее [Там же]*.

Вернемся к анализу сюжетно-семантических связей между скульптурными изображениями, с одной стороны, и петроглифами Сакачи-Аляна – с другой.

Образ женщины (голова, вульва), мужчины (фаллос) и зверя. Он представлен скульптурой из поселения Кондон и по меньшей мере двумя сюжетами петроглифов.

На 48-м камне выбита, как сказано в описании, антропоморфная фигура с овальным, чуть заостренным вверху лицом (см. рис. 14, 3). Ее плечи переходят в ажурную схематическую фигуру животного с прямо обрезанным крупом и узкой кабаньей мордой. Передняя нога зверя длинная, задняя заканчивается птицеобразной фигуркой [Окладников, 1971а, с. 32; табл. 55, 1].

С этим описанием почти полностью можно согласиться. Необходимы лишь некоторые уточнения. Первое связано с образом зверя. Это животное с характерным лосиным горбом – левым плечом антропоморфной фигуры, с подчеркнуто длинными ногами не может быть кабаном, его следует считать лосем. Второе – при характеристике “ажурной” фигуры зверя ни-

чего не говорится о двух параллельных конусообразных полосках, выбитых на крупе зверя. Они, скорее всего, обозначают фаллосы. В таком случае, на рисунке показан именно лось (а не лосиха), а также мужчина. И наконец, третье – не сказано о лунке рядом с головой антропоморфной фигуры. Вряд ли ошибусь, если назову это углубление женским символом. Итак, перед нами предстает полисемантический образ женщины – лось – мужчины. Кроме того, продолжением задней ноги лось является изображение в виде головы птицы с длинным клювом.

На 63-м камне выбито самое известное, много раз опубликованное изображение зверя. В описании подчеркивается, что животное обрисовано реалистически, в движении, это лось*. Предполагается, что фигура в виде ракетки на шее лось – пищевод, четыре вертикальные параллельные дуги в средней части туловища – ребра, над которыми расположены два спиральных завитка – почки, печень, селезенка; три концентрические окружности с круглым пятном в центре, находящиеся в задней части туловища лось – кишечник и желудок [Окладников, 1971а, с. 36; табл. 72, 1].

Основываясь на сравнительном анализе опубликованных изображений лось (в первую очередь фотоматериала) и собственных наблюдений, предлагаю следующую интерпретацию орнаментальных компонентов внутреннего пространства фигуры животного. “Параллельные дуги” – это, наверное, действительно ребра, и они являются реалистическим элементом в изображении лось. Все остальное представляется условно-символической формой передачи сложного полисемантического образа. То, что названо фигурой в виде ракетки, с полным правом можно считать изображением вульвы, обозначенной удлинённым овалом с линзовидным углублением посередине. Над вульвой выбита конусообразная фигура – фаллос, о которой в описании ничего не сказано, как и о второй фаллической фигуре – в нижней части живота между ребрами и концентрическими кругами**. Спиральные завитки над ребрами следует отождествлять со змеями,

* В том, что это лось, а не олень, можно убедиться, взглянув на фотографию, выполненную Ф.Х. Кузюмовым в 1976 г. [Okladnikov, 1981, fig. 44]. Под нижней челюстью зверя заметно выбитое углубление – лосиная “серьга”. Хотел бы заметить, что это фотоизображение – самое высококачественное. Его безупречная отчетливость позволила мне сделать некоторые поправки на рис. 13, 2 (на основе копии из книги [Окладников, 1971а]).

** Надо заметить, что на некоторых опубликованных копиях-эстампах лось изображение нижнего фаллоса слилось с внешним концентрическим кругом, но есть публикации с точной в этом отношении копией (например: [Окладников, 1971б, рис. 113]).

* Изделие, весьма похожее на дзёмонские штамповидные предметы, найдено в 1971 г. в жилище 10 поселения Кондон (кондонская культура). Это терракотовый фаллический предмет с резко расширенной нижней ромбовидной оконечностью, где сделано углубление (знак) такой же формы. На противоположном, слегка зауженном, конце имеется круглое знаковое углубление [Окладников, 1983, табл. 74, 31]. Скульптурку следует трактовать как фаллос с двойной вульвой.

кстати, их концы несколько утолщены – это головы. Концентрические окружности с углублением в центре хорошо увязываются с широко распространенной солярной символикой, о чем, к слову, сказано А.П. Окладниковым при обзоре семантики анализируемых петроглифов [1971а, с. 100]. Между первым (от центра) и вторым кругом выбита небольшая круглая лунка (в описании не упомянута, но она отчетливо видна на всех фотографиях, в том числе изданной Р. Торией) [Там же, рис. 5]. Таким образом, внутри контурного изображения лося, помимо его ребер, показаны солнце, женщина (вульва), две змеи и два фаллоса.

Еще один сложный и не менее загадочный сюжет сакачи-альянских петроглифов также связан с художественным образом лося. Изображение может представляться абстрактным, но оно, несомненно, весьма выразительное и имеет определенную идейную направленность. Рисунок выбит на 65-м камне – плоской глыбе базальта. На нем изображен лось, перевернутый вверх ногами (см. рис. 13, 3). Предполагается, что камень с рисунком позже был перевернут (?). Голова зверя узкая, с рогами в виде двух стержней. Ноги короткие, изогнутые, задняя откинута далеко назад. Все внутреннее пространство фигуры заполнено четырьмя изображениями концентрических окружностей (три состоят из двух кругов, одно – из четырех) с лунками в центре. Под двумя из них в средней части фигуры семь коротких полосок, которые отождествляются с ребрами. Концентрические окружности названы внутренностями животного [Окладников, 1971а, с. 37 – 38, табл. 74, 2; 75, 1].

Данный рисунок, судя по его смысловому значению, а также по расположению камня, находится в том положении, в каком его оставил первобытный художник. Петроглиф рассматривается здесь главным образом для сравнения с предыдущим сюжетом, в основе которого лежит фигура лося. В обоих случаях изображены именно лоси (с рогами), а не безрогие лосихи. Во внутреннем пространстве обеих фигур показаны концентрические окружности – солярные символы. На этом сходство изображений заканчивается. Если у лося на камне 63 в нижней половине центральной части показаны ребра, то в данном случае на этом же месте выбиты семь условно обозначенных гребцов (душ умерших), располагающихся в лодке, основание которой покоится на концентрических окружностях. Обращает на себя внимание сама фигура лося. Она удлинненная (в отличие, например, от фигуры лося на камне 63), горб едва выделен, шея короткая: голова, как бы сразу переходит в туловище-лодку. Рога и две ноги показаны условно. Существенно, что в расплывчатых очертаниях передней ноги можно видеть миниатюрное изображение головы зверя (лося?) [Окладников, 1971а, табл. 171] (на фотографии рисунок показан в перевернутом виде).

Крайне важным представляется следующий факт. У некоторых сакачи-альянских лодок, выбитых на камнях, высокий нос передан в форме головы лося (?). Принципиальным моментом является то, что в данном случае эти головы обращены нижней частью вверх – как бы звери располагаются на спине, а рядом с некоторыми лодками выбиты концентрические окружности [Там же, табл. 102, 2] (рис. 13, 4, 5). То есть на этих рисунках изображено все то же, что и на рис. 13, 3, только в иной, более упрощенной манере*. Все вышеизложенное позволяет говорить об изображении внутри контура лосиных фигур солярной символики в виде концентрических окружностей, а не внутренностей животных.

Теперь посмотрим, какая идея заложена в скульптурное изображение женщины – фаллоса – лося из поселения Кондон и какова его связь с охарактеризованными здесь петроглифами. Поскольку раскрытию образов женщины и мужчины, переданных скульптурно в форме вульвы и фаллоса, внимание уже уделено, остановимся на проблеме такого художественного персонажа в древнем искусстве, как лось.

Лось – этот лесной гигант, или “великий зверь”, как еще его называли в XIX в. таежные охотники Сибири [Окладников, Мартынов, 1972, с. 194], – занимал центральное место в производственном культе древнего человека, в верованиях и обрядах, связанных с самой основой существования людей [Окладников, 1950, с. 285]. На многочисленных местонахождениях сибирских писаниц изображения именно лося составляют подавляющую массу наскальных рисунков. И всюду они отличаются индивидуальностью и неповторимостью. Ранние изображения лосей на Ангаре датируются переходным от палеолита к неолиту временем [Окладников, 1966, с. 128].

На петроглифах Сакачи-Альяна группа рисунков, сюжетно связанная с образом лося, далеко не самая многочисленная, но в ней есть изображения этого зверя, также, кстати, как и лесных птиц, относящиеся к самому раннему хронологическому этапу древнейшей “художественной галереи” на Дальнем Востоке, их возраст не менее 10 – 12 тыс. лет [Окладников, 1971а, с. 86, 88]. Это время существования на территории Нижнего, а также Среднего Приамурья осиповской культуры. Данное обстоятельство имеет большое значение для выяснения возраста скульптуры женщины – фаллоса – лося из поселения Кондон. Ранее уже говорилось, что, исходя из стратиграфической, а также топографической ситуации этого памятника, ее можно

* Мною подсчитано: среди сакачи-альянских петроглифов имеется 16 изображений лодок. В восьми из них выбито по семь (символическое число) вертикальных полосок – гребцов (душ умерших) [Окладников, 1971а, табл. 23, 3, 4; 100; 101, 2; 102, 2 (внизу справа)].

отнести к осиповской культуре. Фигуры лосей на петроглифах — факт, подтверждающий данное определение.

Возвращаясь к теме архаичной мифологии с присутствием ей своеобразным синкретизмом, в котором просматриваются конкретные сюжеты, отражающие сложный мир представлений первобытного человека, есть основания предполагать следующее. В названной скульптуре, а также в петроглифе (см. рис. 14, 3), должно быть, нашел отражение миф, связанный с древним охотничьим мировоззрением, в основе которого лежало представление о родстве между людьми и животными. У народов Якутии и Алтая имела широкое распространение легенда о лесной женщине, владычице леса и его обитателей, матери и хозяйке зверей. Вступавший в связь с ней охотник получал в награду охотничье счастье и убивал много зверей [Окладников, 1967, с. 83]. Отсюда становится понятной триединая природа сюжетного изображения: лось, женщина (голова, вульва) и мужчина (фаллос). Что касается головы птицы на петроглифе, то с ней, видимо, следует связывать существующее мифологическое представление о птицах как носителях понятия “душа”. Как мне представляется, изобразив птичью голову, древний художник отразил неразрывную связь между собой запечатленных на камне образов.

Не объясненными остались два петроглифа, основу сюжетной канвы которых составляют фигуры лося, в обоих случаях внутри их контура есть концентрические окружности*. Первый рисунок (см. рис. 13, 2), охарактеризованный здесь на основе реалистических черт и условных символов, как лось, вульва (женщина), фаллос (мужчина), концентрические круги с лункой в центре (солнце), спирали (змеи), значительно сложнее по своей сюжетной линии. К интерпретированной уже взаимосвязи образов лося, женщины и мужчины необходимо добавить дефиницию, связанную с концентрическими окружностями и спиралями.

Концентрические окружности в исследованиях, посвященных памятникам первобытного искусства, практически всегда трактуются как солярные знаки. Для примера приведем фрагмент описания наскальных рисунков, обнаруженных на р. Томь в Сибири. Подчеркивается, что без солярных знаков не обходится ни одна неолитическая писаница. Они двух типов: просто выбитые круги, но чаще — круг с точкой в центре или же два концентрических круга. Любопытно, что они никогда не изображались отдельно от животных, а только в сочетании с ними [Окладников, Мар-

тынов, 1972, с. 198]. Сакчи-аляские концентрические круги на петроглифах также “связываются с космическими представлениями и в первую очередь с солнечным культом”. Кстати, солнечной семантикой объясняется и наличие в наскальных рисунках такого художественного мотива, как спираль-змея [Окладников, 1971а, с. 100]. В этой связи нельзя не обратить внимание на присутствие в легендах ряда сибирских народов *образа космического лося* — зооморфного воплощения Вселенной [Окладников, 1981, р. 18]. Таким образом, рассматриваемый петроглиф по своему внутреннему содержанию обнаруживает значительную близость к проанализированному ранее рисунку (см. рис. 14, 3). Отличие заключается в том, что зверь, изображенный с концентрическими кругами и спиралями внутри контура, выступает не как простой лось, а лось солнечный.

Второй петроглиф (см. рис. 13, 3) уже достаточно подробно освещен, поэтому остается пояснить некоторые его особенности. Фигура лося и все ее “внутреннее заполнение” представляют собой два слитых воедино, близких по своей семантике сюжета: солнечный лось и солнечная лодка с семью гребцами (вертикальными полосками, условно изображающими души умерших, направляющиеся в загробный мир вслед за уходящим туда солнцем). Не останавливаясь на проблеме ярко выраженного культа солнца у неолитических племен Приамурья, заметим, что наряду с изобразительными формами его проявления на о-ве Сучу обнаружено святилище солнцепоклонников [Медведев, 1994, с. 177 — 178].

Изображения лодок-лосей на древних наскальных рисунках хорошо известны в северо-западной части Евразийского континента, в частности, в Карелии [Саватеев, 1970, рис. 19 на с. 92; Неолит Северной Евразии, 1996, с. 218]. Есть они и в Сибири, например, на Томской писанице. С позиций трактовки сакчи-алянского петроглифа, несомненно, интересными представляются изображения на указанном памятнике некоторых лодок в виде туловища лося, сочетающие в себе, как отмечают А.И. Мартынов и А.П. Окладников, лодку и животное [1972, с. 231; рис. 134].

Существование этих и других, фантастических по своей сути, сюжетов в первобытном искусстве может свидетельствовать о близости и в определенной степени даже единстве мировоззренческих устоев людей неолитического времени на громадной территории Северной Евразии.

Заключение

Обобщение новых, а также переосмысление уже известных источников по древнему искусству Нижнего Приамурья позволяет говорить фактически о тотальном проявлении культа плодородия у обитателей данного

* Обе фигуры лося, о которых сказано далее, в научной литературе датированы поздним неолитом (вознесеновская культура). Между тем терракотовые фигурки лося были найдены в жилище мальшевской культуры на о-ве Сучу [Медведев, 2000, рис. 6, 11] и мальшевском же слое поселения Гася [Деревянко, Медведев, 1994, рис. 15, 1].

региона. Этот культ ярко и зримо в различных формах и вариантах выражается главным образом материализованно в круглой, объемной скульптуре. Наблюдается он и в живописной передаче, что хорошо видно на ряде петроглифов Сакачи-Аляна. Искусству нижнеамурского неолита свойственна полиэikonичность и полисемантичность. Среди антропоморфных изображений много двуполых (андрогинных) скульптур, в эту же группу входят антропозооморфные изображения. В техническом отношении в скульптуре и петроглифах все это выражается по-разному. Скульптуру достаточно повернуть в иное положение, чтобы один образ трансформировался в другой или третий. В петроглифах это встречается редко, для получения полисемантического изображения первобытный художник на фоне (внутреннем пространстве) базового рисунка-образа, например, того же лося, выбивал другие фигуры (концентрический круг – солнце, фаллос – мужчина, вульва – женщина и др.).

Побудительным мотивом подобной интерпретации рассмотренных художественных образов стали для меня обнаружение предметов искусства в “жилище” 4 на о-ве Сучу, а также детальное исследование женской скульптурки из Кондона. Однако эти, а также другие образцы мелкой пластики Нижнего Приамурья по своему возрасту были не старше малышевской ранне-неолитической культуры. В поисках прототипов амурской скульптуры пришлось обращаться к материалам памятников, расположенных на западе далеко от Амура, в частности, Мезинской позднелитической стоянки на Украине [Медведев, 2000, с. 62 – 63]. Действительно, стилизованные мезинские гинандроморфные скульптурки как стилистически, так и по своей семантике близки к женским статуэткам из поселений Сучу и Кондон. Однако, как было здесь показано, аналогичные, а в некоторых случаях даже идентичные образцам малышевской и вознесенновской мелкой пластики антропоморфные и антропозооморфные скульптурные изображения имеются в материалах осиповской культуры. Следовательно, объемная скульптура уже в развитой форме существовала на нижнем Амуре в постпалеолитическое время, т.е. более 10 тыс. л.н. (Вполне можно предположить, что каменные женские скульптурные изображения (женщины-фаллоса) осиповской культуры являются своего рода предтечей дзёмонских “догу” Японии.)

Характерно, что образ такого зверя, как лось, прочно занимающий с указанного периода свои позиции в богатом “репертуаре” амурских петроглифов, известен также в круглой скульптуре.

Естественен вопрос о культурно-исторических корнях проанализированного явления – древнейшего нижнеамурского искусства, и прежде всего его антропоморфных (включая гибридные) и антропозооморфных образов, а также двойных фаллических изобра-

жений в круглой объемной скульптуре. Прототипы, в сущности, даже синхронные аналогии нашим материалам в древнем искусстве других регионов юга Дальнего Востока отсутствуют. В Среднем Приамурье, на памятнике Баркасная Сопка II селемджинской позднелитической культуры, с которой, как считают исследователи, имеет “генетическую связь” осиповская культура, в слое позднего этапа, кстати, соотносимого с последней, найдено каменное объемное скульптурное изображение рыбы (амурский сом) [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, с. 77, 100, 101; рис. LXXVII].

Фигурка изготовлена из продолговатой, изогнутой с одного конца гальки техникой пикетажа. Более широкая половина изделия представляет собой, как уже сказано, рыбу с выраженной головой и плавниками. Однако выясняется, что зауженный хвост ее к концу чуть-чуть расширяется и превращается в овально-округлую в сечении голову змеи, отчетливо моделированную со всех сторон. Скульптурка относится к числу полисемантических изображений, и ее следует трактовать как рыбу-змею.

На другом памятнике этой культуры (Баркасная Сопка III) в аналогичных условиях (в позднем, осиповском, культурном горизонте) обнаружен каменный обломанный “жезл” с насечками [Там же, с. 32 – 33; рис. XCIX], по существу, представляющий собой, на мой взгляд, объемное скульптурное, округлое в сечении фаллическое изображение, аналогичное глиняным изделиям малышевской и вознесенновской культур с поселений Гася и Сучу. Любопытно, что на “жезле” помимо коротких насечек-нарезок видны знаки в виде углов – женские символы. Не зафиксированы образцы искусства в другой культуре Среднего Приамурья – гоматухинской, относящейся к раннему неолиту [Окладников, Деревянко, 1977] и тоже имеющей связь с селемджинской культурой [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, с. 101].

Относительно мелкой пластики в древнем искусстве Приморья, в подавляющем своем большинстве опубликованной, можно сказать следующее (на скальные рисунки, за исключением некоторых мобильных петроглифов, здесь отсутствуют или не сохранились). Наиболее ранние скульптурные изображения связаны с устиновской культурой переходного от палеолита к неолиту периода (хронологически соответствует началу неолиту Приамурья). Основные персонажи искусства этой культуры – рыбы (плоские изображения), есть также звери, лаконогие, птицы (выполнены техникой оббивки и ретуши) [Конonenko, Гарковик, Кадзивара, 1993, рис. 35, 9; Бродянский, Гарковик, Крупянка, 1998, рис. 2, 2 – 4; 6; 7]. Круглая скульптура, антропоморфные изображения или их заменители знаки-символы в устиновской культуре пока не выявлены.

В неолите Приморья, где памятники искусства, как заметил Д.Л. Бродянский, “более скромные по масштабам” по сравнению с Приамурьем, скульптурных изображений известно значительно больше, чем в предшествующее время [Бродянский, 1996, с. 109 – 110 и др.]. На раннеолитических памятниках (руднинская, или кондонская, культура) наблюдается художественная традиция предшествующего периода, представленная плоской каменной скульптурой, изготовленной из отщепов или пластин [Дьяков, 1992, рис. 6, 9 – 11, 13 – 15]. В единичных случаях встречена объемная полиэikonическая скульптура [Бродянский, 1998а, рис. 43]. В бойсманской культуре среднего неолита наряду с образцами плоской мелкой пластики найдены объемные скульптурные изображения, в том числе антропоморфные, а также фаллические. Представлена полиэikonическая антропоморфная скульптура в зайсановской позднеолитической культуре, но и в ней лидирующее место занимают такие художественные персонажи, как черепаха, рыба, птица, тюлень, змея [Бродянский, 1996, рис. 2, 8, 10; 1998а, рис. 5; 1998б, рис. 2, 4, 5, 8; Гарковик, 1998, рис. 1, 2 – 4].

Сказанное позволяет сделать вывод: антропоморфная, антропозооморфная и вообще вся круглая, объемная скульптура осиповской культуры является древнейшей не только в Приамурье, но и на всем юге Дальнего Востока России. Вне всяких сомнений, должны быть более ранние истоки этого вида изобразительного искусства, но они здесь либо отсутствуют, либо пока не зафиксированы.

Скульптурные изображения, в чем-то подобные осиповским, в Приморье появляются в руднинской культуре. Их сюжетный “репертуар” и стилистический облик свидетельствуют о несколько отличном от воззрений нижеамурцев художественном мире древних обитателей Приморья (во всяком случае, Южного). Это может быть обусловлено большей частью разными культурными традициями. Не исключено при этом, что отдельные сюжеты скульптурных изображений древних приморцев, близкие по своему характеру нижеамурским, восходят к осиповской художественной традиции.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Самого пристального внимания заслуживают явно выраженные характерные элементы осиповской культуры, которая представляет собой, несомненно, феномен, по крайней мере, дальневосточной первобытной цивилизации. Эти элементы – керамика (древнейшая в Северной Евразии), искусство (круглая скульптура, петроглифы), украшения (бусы, серьги), жилища-полупещеры – просуществовали многие тысячелетия и практически в своих первоначальных формах (как функционально, так и по своему облику) в значительной степени сохранились до нашего времени.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Наука, 1962. – 86 с. + 62 табл.
- Бродянский Д.Л.** Искусство дальневосточного неолита: опыт предварительной систематизации находок в Приморье // Древнее искусство тихоокеанских культур. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – С. 109 – 120.
- Бродянский Д.Л.** Каменная черепаха из Синего Гая: новые ракурсы старых находок // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998а. – С. 34 – 48.
- Бродянский Д.Л.** Бойсманские фигурки // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998б. – С. 92 – 101.
- Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупянюк А.А.** Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 5 – 18.
- Гарковик А.В.** Предметы мелкой пластики как отражение некоторых сторон духовной жизни древних обществ // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 49 – 59.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон.** Селемджинская позднелолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 110 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1986 – 1987 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 96 с.
- Деревянко А.П., Чо Ю Чон, Медведев В.Е., Юн Кын Ил, Хон Хён У, Чжун Сук Бэ, Краминцев В.А., Ласкин А.Р., Кан Ин Ук, Филатова И.В.** Исследования 1-й совместной Российско-Корейской экспедиции на Амуре в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 105 – 111.
- Дьяков В.И.** Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 140 с.
- Дэвлет Е.Г.** Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 88 – 95.
- Елинек Я.** Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 560 с.
- Ефименко П.П.** Первобытное общество. – Л.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1938. – 636 с.
- Ивлев А.М., Левинтов М.Е., Окладников А.П., Сохина Э.Н.** Палеогеографические выводы, полученные при изучении многослойной стоянки Сакачи-Алян в Нижнем Приамурье // Изв. СО АН СССР. – 1974. – № 1: Сер. обществ. наук, вып. 1. – С. 96 – 100.
- Конonenko Н.А., Гарковик А.В., Кадзивара Х.** Исследование докерамической стоянки Устиновка-3 в Приморье. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 92 с.
- Лапшина З.С.** Древности озера Хумми. – Хабаровск: Приамур. геогр. об-во, 1999. – 207 с.

- Ларичев В.Е.** Мудрость змеи: Первообытный человек, Луна и Солнце. – Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.
- Ларичев В.Е.** Лунные миниатюры (пиктографический характер календарной записи эпохи мальтинской культуры) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 173 – 180.
- Ларичев В.Е.** Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и “блуждающие звезды”. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 320 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия: Чжурчжэньская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 208 с.
- Медведев В.Е.** Неолитическое святилище на Амуре // Археологические открытия 1993 года. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 177 – 178.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 56 – 68.
- Неолит Северной Евразии.** – М.: Наука, 1996. – 379 с. – (Археология с древнейших времен до средневековья: в 20 т.).
- Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота.** – М.: Наука, 1991. – 225 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1 – 2. – 412 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 18).
- Окладников А.П.** У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. – М.: Госкультпросветиздат, 1954. – С. 225 – 260.
- Окладников А.П.** Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья // Сов. этнография. – 1959. – № 2. – С. 38 – 46.
- Окладников А.П.** Олень Золотые рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. – Л.; М.: Искусство, 1964. – 239 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Сакачи-Аляна // Вопросы истории советского Дальнего Востока: Тез. докл. на пленарном заседании IV дальневост. научн. конф. по вопросам истории, археологии, этнографии и антропологии. – Владивосток, 1965. – С. 15 – 21.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 136 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971а. – 336 с.
- Окладников А.П.** Искусство неолитических племен Сибири // История искусства народов СССР. – М.: Изобраз. искусство, 1971б. – Т. 1. – С. 86 – 96.
- Окладников А.П.** Раскопки в Сакачи-Аляне // Археологические открытия 1970 г. – М.: Наука, 1971в. – С. 191 – 192.
- Окладников А.П.** Древнее поселение Кондон. – Новосибирск: Наука, 1983. – 160 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 288 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 255 с. – (Сер. “Памятники древнего искусства”).
- Разрез новейших отложений Нижнего Приамурья.** – М.: Наука, 1978. – 108 с.
- Савватеев Ю.А.** Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 1: Петроглифы. – 444 с.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 299 с.
- Фролов Б.А.** Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 240 с.
- Шевкомуд И.Я.** Об открытии древнейших погребений и некоторых проблемах осиповской культуры (Приамурье) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 253 – 256.
- Дзёмон-ни миру Тохокү-но Кокоро (Сердце Тохокү через призму культуры дзёмон) / Сэридзава Нагасукэ, Цукamoto Тэцүго, Ватанабэ Набуо, Ёноти Фумио.** – Сендай: Кахоку симпося, 1994. – 260 с. (на яп. яз.).
- Мия Хироаки.** Сутампудзё досэйхин ни кансуру дзякан-но-мондай (Некоторые вопросы, касающиеся штамповидных глиняных изделий) // Археология Хоккайдо. – 1988. – Март. – С. 75 – 84 (на яп. яз.).
- Okladnikov A.** Ancient Art of the Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.

Материал поступил в редколлегию 26.03.2001 г.